

Н. В. Полякова

РАЙМОН АРОН: ИНТЕЛЛЕКТУАЛ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Статья посвящена исследованию интеллектуального наследия известного историка, философа и социального мыслителя Раймона Арона в политическом и культурном контексте Франции XX в. На примере дискуссий между Р. Ароном и Ж.-П. Сартром автор анализирует степень влияния идеологических связей на политическую и интеллектуальную культуру Франции в послевоенное время. Рассматривается также вклад французского мыслителя в разработку темы политической ангажированности интеллектуалов. Делается вывод о том, что в своем творчестве Арон пытался найти баланс в социальном позиционировании современного европейского интеллектуала — между позицией равнодушного очевидца и аналитика-наблюдателя. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: Раймон Арон, интеллектуал, политика, французские интеллектуальные традиции, политическая ангажированность, «секулярная религия».

N. V. Poliakova

RAYMOND ARON: THE INTELLECTUAL IN POLITICS AND THE POLICY OF THE INTELLECTUAL

This article is devoted to the study of the intellectual heritage of the famous historian, philosopher and social thinker Raymond Aron in the political and cultural context of 20th century France. On the example of the discussions between R. Aron and J.-P. Sartre, the author analyzes the extent to which ideological ties influenced the political and intellectual culture of France in the postwar period. Considered also is the contribution of the French thinker in the development of the theme of the political engagement of intellectuals. It is concluded that in his work Aron was trying to find a balance in the social positioning of the modern European intellectual as lying between the position of an indifferent eyewitness and an analyst-observer. Refs 19.

Keywords: Raymond Aron, intellectual, politics, French intellectual traditions, political engagement, “secular religion”.

Раймон Арон (1905–1983) — известный французский философ, социолог, историк, политический мыслитель и журналист, член французской Академии моральных и политических наук и почетный член многих зарубежных академий, почетный доктор Гарвардского, Колумбийского, Базельского, Иерусалимского и других университетов, лауреат престижных международных премий Алексиса Токвиля за гуманизм (1979) и Эразма Роттердамского (1983) — является уникальной фигурой как для французского, так и для мирового интеллектуального сообщества в целом. Его современник Рой Пайерс, профессор Мичиганского университета, назвал Раймона Арона «самым плодовитым и многосторонним политическим мыслителем XX века» [1, p. 216].

Арон воплотил в себе системный образ идеального интеллектуала как одного из символов прошлого столетия — интеллектуала, поражавшего современников

Полякова Наталья Валерьевна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; belnata70@yandex.ru

Poliakova Natalia V. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; belnata70@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

масштабами своих творческих возможностей и научных интересов, интеллектуала, преданного интересам Франции, но открытого для сотворчества в европейском и мировом контекстах. Этот символический образ нашел отражение в его последней автобиографической книге под названием «Мемуары» (1983), в которой французский мыслитель и публицист полновесно подвел итог своей жизни и деятельности, оставив вместе с тем потомкам интересный источник для изучения атмосферы в обществе Французской республики межвоенного периода и послевоенных десятилетий. В этих воспоминаниях, которые нужно рассматривать как одну из важнейших работ, описывающих историю французских интеллектуалов в XX в., моменты приватной жизни автора тесно переплетены с многогранными проявлениями публичности, а частная история отдельного человека естественным образом становится историей всего XX столетия.

Его путь как интеллектуала изначально начинался в рамках традиционного для Франции образовательного пространства. Своеобразной «кузницей кадров» для французских интеллектуалов была Высшая нормальная школа в Париже (Эколь Нормаль, *Ecole Normal Supérieure*) — элитное высшее учебное заведение, основанное еще в 1794 г., из стен которого вышло подавляющее большинство французских мыслителей и писателей XIX–XX вв. Выпускников этого учебного заведения, поступление в которое, в отличие от университета, предполагает прохождение жесткого конкурсного отбора, называют во Франции «normalien» [2, с. 24]. Одним из таких normalien стал и Раймон Арон, который с 1924 по 1928 г. учился в Высшей нормальной школе на одном курсе с будущими известными французскими философами и писателями Жаном-Полем Сартром и Полем Низаном. Это демонстрирует, с одной стороны, узость того интеллектуального круга, где разворачивались впоследствии серьезные философские и политические дискуссии, а с другой — общность культурно-образовательной и идейной среды, в которой формировались лидеры французского интеллектуального сообщества.

Начиная свою научную карьеру, Р. Арон некоторое время с небольшими перерывами находился в Германии (1930–1933), где преподавал в известных немецких университетах — Кельнском и Берлинском. Свое пребывание в Германии французский политический мыслитель и журналист объяснял позднее сложившимися традициями: «Это была традиция. Желая пополнить свое образование, философы ехали в Германию. Дюркгейм за два поколения до меня ездил в Германию и привез оттуда небольшую книгу об общественных науках в Германии» [3, с. 31]. В 1931 г. Арон читал немецким студентам в Кельнском университете курс лекций по политической философии Ж. де Местра и Л. де Бональда, а также по французской литературе, в частности о крупнейшем католическом писателе XX в. Ф. Мориаке, ставшем впоследствии нобелевским лауреатом по литературе (1952). Примечательно, что 22 года спустя, в 1953 г., Арон вернется в Германию, чтобы прочесть лекции в качестве приглашенного преподавателя немецким студентам в Тюбингене, и будет восторженно писать о том, насколько послевоенные студенты похожи на своих довоенных предшественников: «Ни в малейшей степени не зараженные гитлеризмом и национализмом, они шумно выразили свое согласие, когда я экспромтом дал такое определение всемирной истории — *die Weltgeschichte diese Mischung von Heldentum und Blodsinn* (всемирная история, эта смесь героизма и глупости)» [4, с. 64].

В этот немецкий период своей научной карьеры он вначале ненадолго увлекся марксизмом и впервые прочел «Капитал» К. Маркса, но затем его философские предпочтения сместились в сторону неокантианства. Британский исследователь Кристофер Коукер по этому поводу констатировал: «Арон ясно дает понять в своих мемуарах, что именно германская культура, а не германский народ, захватила его воображение, когда он впервые открыл для себя богатство ее идей — Гуссерля и Хайдеггера, а также идей неокантианцев в лице Макса Вебера» [5, с. 111]. Именно благодаря его работам французская научная общественность осваивала веберовское идейное наследие, что стало одним из важнейших элементов начавшегося в межвоенный период интенсивного знакомства французов с «немецкой мыслью» [6, с. 490]. Вместе с тем сам Арон впоследствии считал Вебера своим главным интеллектуальным наставником: «То, что я искал, я нашел у Макса Вебера; это был человек, который одновременно знал историю, понимал политику, стремился к истине и в конечном итоге к принятию решений и действию. Но стремление видеть, познать истину, действительность, с одной стороны, и стремление действовать — с другой, — это, как мне кажется, два императива, которым я старался следовать всю свою жизнь. Этот двойной императив я нашел у Макса Вебера» [3, с. 43].

Таким образом, становление Арона как интеллектуала протекало в контексте специфики французского интеллектуального пространства, где в период между двумя мировыми войнами постепенно усиливалось влияние немецкой традиции философской и социальной мысли. Сам Арон черпал вдохновение в идеях Канта и неокантианцев, в первую очередь Вебера, а также проявлял интерес к другим немецким авторам, таким как Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. Его дипломная работа, защищенная им в Эколь Нормаль под руководством Леона Брюнсвика, была посвящена философии Канта. В 1935 г. вышла в свет книга Р. Арона «Критическая философия истории», в которой французской публике были представлены взгляды В. Дильтея, Г. Риккерта, Г. Зиммеля, М. Вебера. В конце своей жизни в одном из своих выступлений он скажет: «На протяжении всей моей жизни немцы всегда лежали на моей тумбочке рядом с кроватью» (цит. по: [7, p. 77]).

Подобные научные предпочтения Арона, особенно накануне вполне ожидаемого противостояния с нацистской Германией, были не вполне одобрены внутри самого французского интеллектуального сообщества, традиционно склонного опираться в области социогуманитарных наук на собственные авторитетные фигуры, например А. Бергсона или Э. Дюркгейма. Но, будучи французом по воспитанию, Арон всегда оставался человеком мира по своему способу мышления, при этом его менее всего можно было обвинить в отсутствии патриотизма. Так, сразу же после нападения Германии он, оставив преподавание в Университете Тулузы, отправился в армию и сражался в составе военно-воздушных сил Франции. После поражения Франции в 1940 г. Арон эмигрировал в Лондон, где присоединился к патриотическому французскому движению «Сражающаяся Франция», которым руководил Шарль де Голль, и стал редактором газеты «Свободная Франция» («France Libre»). Подобная ригористическая по отношению к самостоятельному выбору своих научных и идейных ориентиров позиция была характерна для него и в послевоенный период, когда Арон, в противовес господствующему во французском обществе антиамериканизму, занял специфическую линию поддержки идеи атлантизма, очень непопулярную в то время среди французских интеллектуалов.

Эта непопулярность была обусловлена как политико-идеологическими, так и культурными факторами. В послевоенные десятилетия французы рассматривали свою культуру как инструмент создания европейской идентичности, поэтому «с Америкой обращались скорее не как с живой реальностью, а как с контрмифом. Выживание Франции требовало ее полного осуждения» [5, с. 118].

Еще одной отличительной особенностью Арона как французского интеллектуала было то, что своей идейной и политической позицией, выстроенной на классической либеральной основе, он бросал вызов гошистскому мейнстриму дискуссионного ландшафта Франции XX в. Во всех своих работах Арон «выступал с крайне резкой критикой любой политики “с марксистским душком” и был непримиримым противником французских “левых” интеллектуалов, сплотившихся вокруг Жан-Поля Сартра» [6, с. 272]. «Гошизм» французских интеллектуалов являлся их специфическим маркером, что было обусловлено множеством обстоятельств как субъективного, так и объективного характера. Так, например, по итогам Второй мировой войны во Франции «вся правая часть интеллектуального поля опустела: правые интеллектуалы частью были уничтожены физически, частью подверглись остракизму или тюремному заключению, частью эмигрировали; а идеи, за которые боролись правые интеллектуалы, стали неприемлемы в новом политическом раскладе, сложившемся после войны. В итоге все интеллектуальное поле оказалось теперь почти полностью занято левыми интеллектуалами, наследниками дрейфусаров» [8, с. 309–310].

Действительно, именно «дело Дрейфуса» заложило на рубеже XIX–XX вв. основу традиции политической активности французских интеллектуалов, создав предпосылки для превращения работников умственного труда в активных защитников политических идеалов: интеллектуал, «человек культурный, творец или посредник», превращается в «человека политического, производителя или потребителя идеологии» [9, р. 10]. События вокруг этого процесса, разделившие французское общество на дрейфусаров и антидрейфусаров, послужили своеобразным пусковым механизмом тех идеологических и теоретических дискуссий, которые продолжались во Франции и в европейском социогуманитарном пространстве на протяжении всего XX в. Появление фигуры публичного интеллектуала на рубеже веков на линии максимального напряжения литературы и политики стало центральной темой для современной европейской культуры [8, с. 138]. В связи с этим показательно, что на первой же странице своих «Мемуаров» Арон делится с читателями воспоминанием о том, что в квартире его родителей на бульваре Монпарнас существовал целый архив литературы времен дела Дрейфуса, как бы подтверждая значимость этих событий для современников не только в публичном, но также и в приватном смысле [4, с. 15].

Сокурсник Раймона Арона по Эколь Нормаль, философ и известный публицист социалистической ориентации Поль Низан в книге «Сторожевые псы» (1932) выступил оппонентом французского историка и философа Жюльена Бенда, который ранее в своем программном памфлете «Предательство интеллектуалов» (1926) обозначил их функцию в политике как функцию напоминания об идеалах нравственности и справедливости. Критикуя мнимую преданность интеллектуалов вечным ценностям и идеям, П. Низан обозначил новые контуры проблемы призвания интеллектуалов и их ценностных приоритетов. По его убеждению, интеллектуалы, лишь прикрываясь идеалами неангажированности, на самом деле всегда служили

целям политики: «На любой философии, даже если на первый взгляд это кажется иначе, в действительности сказывается грубая актуальность» [10, р. 2130]. Так была обозначена основная коллизия, вокруг которой разворачивались последующие дискуссии о ценностном выборе представителей французского интеллектуального сообщества, ярким участником которых вскоре становится и Р. Арон.

Постоянно на протяжении нескольких десятилетий полемизируя еще с одним своим другом юности по Эколь Нормаль — известным французским философом-экзистенциалистом Жаном-Полем Сартром, Раймон Арон пытался пробить брешь в стене «ангажированности» французских интеллектуалов, одурманенных, по его мнению, «опиумом» марксизма и сопутствующих ему идеологических практик. Фигура Ж.-П. Сартра, ставшего символом «интеллектуальной гегемонии» левого сознания и воплощением «ангажированного» интеллектуала, в жизни которого политика превалирует над другими формами интеллектуальной жизни, оказывается основным объектом критики этого явления со стороны Р. Арона. Первые послевоенные десятилетия в интеллектуальной жизни Франции прошли под знаком небывалой популярности и огромного влияния автора «Бытия и ничто». Исследователи его творчества называют послевоенное время «годами Сартра», отмечая также большую роль в популяризации его идей так называемой сартровской гвардии — ближайших друзей и сподвижников из разряда талантливых молодых интеллектуалов, большинство из которых сотрудничало с основанным им в октябре 1945 г. литературно-политическим журналом «Тан модерн» (фр. «Les Temps Modernes», «Новые времена») (см.: [11]).

Взаимоотношения Ж.-П. Сартра и Р. Арона, двух знаменитых интеллектуалов, друзей в детстве и юности и главных идейных соперников в зрелые годы, значимые с точки зрения факта публичного противостояния французских философов и общественных деятелей, не раз становились объектом исследований (см.: [12; 13]). Их постоянный антагонизм представлял собой своеобразную квинтэссенцию интеллектуального и политического климата во Франции в послевоенные десятилетия. Именно сквозь призму этой полемики выстраивается «критическая» концепция ангажированности интеллектуалов, которую разрабатывает Арон в противовес концепции «радикальной» ангажированности, т. е. полной вовлеченности интеллигенции в политику, предложенной Сартром. Арон направил свои усилия против «некритического восхищения, которое во Франции выказывают в равной мере романами и политическими суждениями писателей, рождая в них чрезмерное чувство своей собственной важности и склоняя их увлекаться крайними суждениями и саркастическими статьями» [14, с. 204]. При этом критика Ароном проблемы ангажированности интеллектуалов напрямую связана с его собственным идеологическим выбором: «Казалось бы, Арон в соответствии с полученным образованием мог оказаться радикалом, как это случилось с другом его детства Ж.-П. Сартром, с М. Мерло-Понти. Однако выдающийся социолог стал выразителем либеральной традиции, которая исповедует верность принципам демократии, свободной конкуренции, частного предпринимательства» [15, с. 7]. Если Сартр опирался на левые идеи, идеологически заигрывая с различными версиями марксизма, то Арона принято считать «правым» интеллектуалом, хотя его позиция приверженца либеральных идей выглядела «правой» именно в контексте всеобъемлющей «левизны» большинства французских интеллектуалов.

В своей известной работе «Опиум интеллектуалов» (1955), которую принято считать одним из важнейших трудов по антикоммунизму, Арон проанализировал идеологические мифы, продолжительное время вдохновлявшие левых интеллектуалов по всему миру. Эпиграфом к этой работе были избраны следующие слова известного французского философа и религиозного мыслителя Симоны Вейль, ставшие руководящим кредо для самого Арона и даже давшие название самой его книге: «Марксизм — это, конечно, религия, в самом нечистом значении этого слова. Со всеми самыми низшими религиозными формами жизни его, в частности, объединяет факт постоянного использования, по выражению самого Маркса, в качестве опиума народа» [16, с. 5]. Но работа Арона была направлена не столько против марксизма, сколько против тех интеллектуалов, которые, даже не принимая идеи коммунизма, сопутствовали ему и поддерживали своим творческим авторитетом. Согласно автору «Опиума интеллектуалов», марксизм для гошистских интеллектуалов приобрел черты своеобразной религиозной идеологии или «секулярной религии», став набором священных ценностей и идеалов, а не инструментом анализа, что, согласно Арону, препятствовало адекватному пониманию характера и основных тенденций современной эпохи. Опираясь на положения теории деидеологизации, он призывал представителей европейского интеллектуального сообщества порвать с традицией идеологической погруженности и нетерпимости, перестать морализаторствовать с позиций трансцендентных идеалов, начать мыслить и действовать ответственно и систематично.

Вместе с тем указанная работа Арона, как и многие другие его труды, оказалась включенной в давно сложившуюся французскую традицию обсуждения места и роли интеллектуала в обществе и культуре. Полемизируя со своими бывшими соркурсниками — П. Низаном и Ж.-П. Сартром — посредством разработки концепции деидеологизации, он, тем не менее, неосознанно продолжил намеченную ими линию участия в дискуссии о призвании интеллектуалов и их ценностных приоритетах. Его аргументация выстроена на противопоставлении позиции своих левых оппонентов той реальности, которую он видит неидеологическим результатом американского «эмпирического» развития: «Фактически, главная причина недовольства европейскими левыми Соединенными Штатами состоит в том, что последние добились успеха теми средствами, которые не заложены в революционном коде. Процветание, власть, стремление к единообразию экономических условий — эти результаты были достигнуты путем частной инициативы, путем соревнования, а не государственным вмешательством, иными словами — путем капитализма, которого каждый правильно воспитанный интеллектуал обучен презирать» [14, с. 199]. Таким образом, согласно Арону, для идеологии как новой формы религии более не существует оснований, поскольку идея социальной справедливости и процветания уже реализована на Западе, а все проблемы постиндустриального общества, если таковые и остались, могут быть решены техническими средствами на уровне экспертов.

Некоторые исследователи творчества Арона подчеркивают, что в результате сам автор «Опиума интеллектуалов» становится апологетом и глашатаем новой «секулярной религии» — религии «атлантизма», поскольку и его социально-политические концепции, и его политическая публицистика, а также общественная деятельность носили откровенно проамериканский характер (см.: [17]). «Сведения марксизма и коммунизма к догматической системе, а компартии — к своего

рода церкви, помимо своеобразной, оригинальной метафоры, — в первую очередь рекламный трюк, красивая упаковка для товара — *интеллектуальной кока-колы*. Учитывая все это, нет ничего удивительного в том, что многие французские интеллектуалы того времени предпочитали “ошибаться вместе с Сартром, нежели быть правыми с Ароном” (“быть правыми” в двух возможных смыслах), — так как смысл и направленность работы Арона были очевидными», — утверждает в своей статье российский ученый А. В. Никандров, отмечая факт идеологической ангажированности французского мыслителя, который осознанно поддерживал идеи проамериканского Конгресса за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom) и принимал активное участие в его деятельности [18, с. 56].

Подобные дискуссии отражают степень влияния идеологических связей на политическую и интеллектуальную культуру Франции в послевоенное время, что представляет эту страну как своеобразное поле не только политических противостояний, но и «культурной» битвы эпохи холодной войны. Вместе с тем наличие таковых дискуссий демонстрирует существование во Франции глубоких интеллектуальных традиций, обусловленных интенсивностью межкультурных обменов и персональных коммуникаций в контексте разносторонних мировоззренческих дебатов, которые во многом подпитываются спецификой национальной модели гуманитарного образования и особым социальным статусом интеллектуалов. Раймон Арон занимает в этом интеллектуальном пространстве одно из центральных мест, как в научно-академическом, так и в общественно-политическом контексте. Он всегда пытался найти некий баланс в социальном позиционировании современного европейского интеллектуала — между позицией равнодушного очевидца и аналитика-наблюдателя, между стремлением к истине и выбором своего места в общественных реалиях.

Будучи одновременно и мыслителем, который мастерски возводил собственные теоретические конструкции, и реальным участником исторического процесса, отзывающимся на значимые события своего века, Арон в одном из своих интервью так определил свое место в политике: «...я на вечные времена остался полуполитиком. Мне никогда не приходило в голову считать себя политическим деятелем, потому что я не был кандидатом ни на какой политический пост. Но я являлся политическим журналистом или политическим писателем, который одновременно и писал толстые книги, и комментировал текущие события...» [3, с. 153–154]. В целом же французский мыслитель достаточно осторожно и взвешенно выстраивал свою профессиональную и жизненную стратегию, балансируя на грани истины и социального долга. Принципы идейной трезвости и точности, верность истине и здоровый скепсис стали специфическими маркерами его творческой деятельности, продолжившей в послевоенный период интеллектуальные традиции тех авторов, которых он считал своими учителями — А. де Токвиля и М. Вебера. Нельзя не согласиться с итоговым выводом отзыва о Р. Ароне, который оставил бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер: «Никто на меня не оказал такого большого интеллектуального влияния, как Арон. Он был моим профессором в последний период моей университетской учебы. Он был блестящим критиком, когда я занимал официальные посты. Его позитивные отзывы поощряли меня, а критические замечания сдерживали меня... Арон был одним из крупнейших и видных интеллектуалов нашей эпохи» [19, р. 129].

Литература

1. *Pierce R. Contemporary French Political Thought*. London: Oxford University Press, 1966. 276 p.
2. Полякова Н.В. «Национальные образы» политической философии: современный французский контекст // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 3. С. 22–32.
3. Арон Р. Пристрастный зритель / пер. с фр. под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. 416 с.
4. Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. 873 с.
5. Коукер К. Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 270 с.
6. Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011. 840 с.
7. Lyotard Z.-F. *Political Writings*. London: University College London Press, 1993. 352 p.
8. Шарль К. Писатели и дело Дрейфуса: литературное поле и поле власти // Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005. С. 134–319.
9. Ory P., Sirinelli J.-F. *Les Intellectuels en France. De l'affaire Dreyfus à nos jours*. 3e éd. Paris: Armand Colin, 2002. 264 p.
10. *Dictionnaire des philosophes: 2 vols.* / ed. D. Huisman. Paris: Presses Universitaires de France, 1993. Vol. II. 3104 p.
11. *Cohen-Solal A. Sartre*. Paris: Gallimard, 1985. 728 p.
12. Barilier E. *Les petits camarades. Essais sur J.-P. Sartre et R. Aron*. Paris: Julliard: L'Age d'homme, 1987. 165 p.
13. Sirinelli J.-F. *Sartre et Aron, deux intellectuels dans le siècle*. Paris: Fayard, 1995. 395 p.
14. Арон Р. Опиум для интеллектуалов // Логос. 2005. № 6 (51). С. 182–205.
15. Гуревич П. С. Философ в социологии, социолог в философии // Арон Р. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992. С. 5–16.
16. Арон Р. Опиум интеллектуалов / пер. с фр. Л. Боровиковой. М.: АСТ, 2015. 480 с.
17. Voneau D. Raymond Aron, avocat de l'atlantisme // Réseau Voltaire. 21 octobre 2004. URL: <http://www.voltairenet.org/article15295.html> (дата обращения: 12.04.2016).
18. Никандров А. В. Идеологические споры в политике: концепция «секулярной религии» Раймона Арона // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 49–61.
19. Raymond Aron, 1905–1983: Histoire et politique: Temoignages, hommages de l'étranger, études, textes // Commentaire. 1985. Février. Vol. 8, N 28–29. 541 p.

Для цитирования: Полякова Н.В. Раймон Арон: интеллектуал в политике и политика интеллектуала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 3. С. 45–53. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.304

References

1. Pierce R. *Contemporary French Political Thought*. London, Oxford University Press, 1966, 276 pp.
2. Poliakova N. V. «Natsional'nye obrazy» politicheskoi filosofii: sovremennyi frantsuzskii kontekst [“National images” of the political philosophy: contemporary French context]. *Political Expertise: POLITEX*, 2014, vol. 10, no. 3, pp. 22–32. (In Russian)
3. Aron R. *Pristrastnyi zritel'* [Raymond Aron, a spectator engaged]. Transl. from French, ed. by B. M. Skuratov. Moscow, Praksis Publ., 2006, 416 pp. (In Russian)
4. Aron R. *Memuary. 50 let razmyshlenii o politike* [Memoirs: fifty years of political reflection]. Moscow, Ladomir Publ., 2002, 873 pp. (In Russian)
5. Kouker K. *Sumerki Zapada* [Twilight of the West]. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2000, 270 pp. (In Russian)
6. Ioas Kh., Knebl' V. *Sotsial'naiia teoriia. 20 vvodnykh lektsii* [Social theory. 20 introductory lectures]. Transl. from German by K. G. Timofeeva. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2011, 840 pp. (In Russian)
7. Lyotard Z.-F. *Political Writings*. London, University College London Press, 1993., 352 pp.
8. Sharl' K. Pisateli i delo Dreifusa: literaturnoe pole i pole vlasti [Writers and the Dreyfus Affair: the Literary Field and the Field of Power]. *Intellektualy vo Frantsii: Vtoraia polovina XIX veka* [Intellectuals in France: The Second Half of the XIX Century]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 134–319. (In Russian)
9. Ory P., Sirinelli J.-F. *Les Intellectuels en France. De l'affaire Dreyfus à nos jours*. 3e éd. Paris, Armand Colin, 2002, 264 pp.

10. *Dictionnaire des philosophes*: 2 vols. Ed. by D. Huisman. Paris, Presses Universitaires de France, 1993, vol. II, 3104 pp.
11. Cohen-Solal A. *Sartre*. Paris, Gallimard, 1985, 728 pp.
12. Barilier E. *Les petits camarades. Essais sur J.-P. Sartre et R. Aron*. Paris, Julliard, L'Age d'homme, 1987, 165 pp.
13. Sirinelli J.-F. *Sartre et Aron, deux intellectuels dans le siècle*. Paris, Fayard, 1995, 395 pp.
14. Aron R. Opium dlia intellektualov [The opium for the intellectuals]. *Logos*, 2005, no. 6 (51), pp. 182–205. (In Russian)
15. Gurevich P.S. Filosof v sotsiologii, sotsiolog v filosofii [A philosopher in sociology, a sociologist in philosophy]. Aron R. *Etapy razvitiia sotsiologicheskoi mysli* [Stages of development of sociological thought]. Ed. and Preface by P.S. Gurevich. Moscow, Progress — Politika Publ., 1992, pp. 5–16. (In Russian)
16. Aron R. *Opium intellektualov* [The opium of the intellectuals]. Transl. from French by L. Borovikova. Moscow, AST Publ., 2015, 480 pp. (In Russian)
17. Boneau D. Raymond Aron, avocat de l'atlantisme. *Réseau Voltaire*. 21 octobre 2004. Available at: <http://www.voltairenet.org/article15295.html> (accessed 12.04.2016).
18. Nikandrov A. V. Ideologicheskie spory v politike: kontseptsiiia «sekuliarnoi religii» Raimona Arona [Ideological disputes in politics: the concept of «secular religion» by Raymond Aron]. *Voprosy filosofii* [The questions of philosophy], 2015, no. 7, pp. 49–61. (In Russian)
19. Raymond Aron, 1905–1983: Histoire et politique: Temoignages, hommages de l'étranger, etudes, textes. *Commentaire*, 1985, Fevrier, vol. 8, no. 28–29, 541 pp.

For citation: Poliakova N. V. Raymond Aron: the Intellectual in Politics and the Policy of the Intellectual. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 3, pp. 45–53. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.304

Статья поступила в редакцию 25 мая 2016 г.,
рекомендована в печать 2 июня 2016 г.